ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

ЛЕКЦИЯ 44. ТЕМА 7.1. ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУЦИЯ В РОССИИ КОНЦА 20 И НАЧАЛА 21 ВЕКА

Конец XX века в России — это время распада СССР (1991), отмены государственной идеологии и политической цензуры, перехода к рыночной экономике и радикальной переоценки всех ценностей. В литературу вернулись ранее запрещённые произведения — «задержанная литература» (романы В. Гроссмана, А. Бека, В. Дудинцева) и «возвращённая литература» русского зарубежья (В. Набоков, И. Шмелёв, Б. Зайцев). В 1990-е годы исчезают идеологические ограничения, но одновременно обостряется кризис: падение тиражей журналов, коммерциализация книгоиздания, конкуренция со стороны телевидения и интернета.

На этом фоне в литературе сосуществуют несколько мощных направлений: **деревенская проза**, переживающая свой поздний, предельно трагический этап; **военная проза**, выходящая за рамки привычного героического канона; **постмодернизм**, переосмысляющий отношение к слову, традиции и истории; и **национальная поэтическая традиция**, утверждающая ценность культурной памяти и преемственности.

Художественные особенности прозы В. Распутина

Валентин Распутин (1937–2015) — наиболее последовательный представитель «деревенской прозы», одного из ведущих направлений отечественной литературы с 1960-х годов. Его ключевые произведения: повести «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985), рассказ «Изба» (1999).

Патриархальный мир как нравственный идеал

В произведениях Распутина патриархальная деревня — не просто место действия, а нравственный идеал, хранительница народной памяти и совести, оказавшаяся в трагическом противостоянии с технократической цивилизацией. Исследователи выделяют четыре фундаментальные черты этого мира:

1. **Нерасторжимая связь с землёй и природой.** Жизнь крестьянина подчинена естественному круговороту, труду на земле. Природа — активная сила, а не фон.
2. **Общинность и соборность.** Жизнь деревни строится на коллективных началах, взаимопомощи, «ладе» — особой гармонии человеческих отношений, которая разрушается под давлением урбанизации.
3. **Дом и родовая память.** Изба — сакральный центр крестьянского мира, место связи поколений. Мотив «смерти дома» проходит через всю прозу: дом делят, продают, растаскивают — и «гаснет семейный очаг». Утрата дома равнозначна утрате корней.
4. **Фигура «праведницы».** Хранительницами патриархальных ценностей выступают пожилые крестьянки: старуха Анна в «Последнем сроке», Дарья Пинигина в «Прощании с Матёрой», Настёна в «Живи и помни», Агафья в рассказе «Изба». Они — «внутренние люди», живущие по совести, в отличие от «внешних», для которых главное — выгода.

Хронотоп и мифопоэтика

Ведущим хронотопом в прозе Распутина является **идиллический**: идеальное время связано с прошлым, миф о рае воплощён в старинных деревнях. Время на острове Матёра циклично — все поколения рождались, трудились, состарились и умерли там, образуя единый круг. Распутин первым из «деревенщиков» связывает с фигурой праведника фольклорно-мифологические мотивы: одухотворённость мира, непрерывность связи между предками и потомками. Дарья в «Прощании с Матёрой» «обретает прозренческий дар

мифологической вещей старухи» — ей дано откровение истины, она выступает посредником между миром живых и миром мёртвых.

«Прощание с Матёрой» (1976) — реквием по уходящей крестьянской России

Повесть посвящена последним месяцам деревни Матёра, которую затопят при строительстве ГЭС. Название сплетает слова «мать» и «матёрый» (мощный, давний, проверенный) — прообраз Родины предков. Пространство Матёры организовано по принципу сакральной вертикали: деревня с избами, кладбище, церковь и «царский лиственъ» — дерево, крепко вросшее в землю, символ вечности, которую не под силу уничтожить цивилизации.

Одна из важнейших художественных особенностей повести — **речь персонажей**, через которую Распутин показывает столкновение двух картин мира. Речь Дарьи живая, насыщенная диалектизмами; речь её внука Андрея наполнена штампами. Эта языковая пропасть подчёркивает фундаментальное непонимание между миром Матёры и «внешним» миром, где люди мыслят категориями «распоряжений» и «очистки территории».

Язык и стиль

Язык Распутина — «свой, неповторимый, а в то же время глубоко национальный, русский». Стиль настолько совершенен, что сами стилистические приёмы перестают быть только приёмами, а тоже становятся содержанием произведения. Это полное слияние формы и содержания — высшая художественность. Живой, образный, ёмкий язык с диалектизмами («дивля», «кукованье», «кросна», «запарник») — непривычными для городского слуха, но музыкальными и уместными — показывает возможности русского языка как универсального инструмента.

Нравственная философия

Распутин раскрывает корневые основы жизни народа, предельно усиливая нравственно-философское звучание прозы о деревне. Его герои обладают философским складом ума, размышляют о месте человека в системе миропорядка. Логика его произведений строится на формуле: нельзя разрушить связи (с общиной, семьёй, родиной, природой) и остаться нравственным.

Проза В. Астафьева «Прокляты и убиты»

Виктор Астафьев (1924–2001) — один из ярчайших представителей «деревенской прозы» и военной прозы. Роман-эпопея «Прокляты и убиты» — его последнее масштабное произведение. Первая книга «Чёртова яма» вышла в 1992 году, вторая — «Плацдарм» — в 1994-м. В 1995 году писателю присуждена Государственная премия Российской Федерации.

Происхождение названия и концепция

Название пришло из писаний русских старообрядцев: «Все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты». Эта мысль высказана в романе старообрядцем Колей Рындиным, бабушка которого Секлетинья повторяла стихиру, принесённую в Сибирь оконниками — людьми, которые молились природе. Идея войны как наказания Божьего, посланного народу за отказ от веры и ужасы революции, — принципиально новый взгляд на войну в русской литературе.

Структура и композиция

Роман отличается **синкретизмом** — сочетанием разнородных элементов: объёмные публицистические отступления, тексты песен, молитв, стихотворений, пословицы и поговорки, лозунги, цитаты из классической литературы, тексты на русском, немецком и казахском языках.

Первая часть — «Чёртова яма» (осень 1942 года). Изображено испытание новобранцев на гуманность в условиях землянки — «подземельной казармы», превращающей человека в зверя. Мотив «поедания» друг друга заложен уже в эпиграфе из

Послания апостола Павла: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом». Солдатский быт напоминает тюремный.

Вторая часть — «Плацдарм». В центре — битва за Днепр (1943 год), в которой участвовал сам автор. Переправа изображена как вселенская катастрофа, метафорический переход границы от жизни к смерти. Река Днепр, где тысячелетие назад происходило Крещение русского народа, становится местом массовой гибели.

Главный герой — народ

В романе нет традиционных «героев» в романтическом смысле. Главный герой — народ, представленный отдельными личностями: советские солдаты, крестьяне, рабочие, интеллигенты. Особая роль принадлежит Лёшке Шестакову, голос которого выделяется из общей массы и слышен во всех кульминационных сценах — во многом это голос самого писателя. Образ Ашота Васконяна включает черты Андрея Болконского и Пьера Безухова.

Повествование ведётся от третьего лица, но с разных точек зрения: связиста Шестакова, командира роты Щуся, уголовника Зеленцова-Шорохова, сержанта Яшкина, интеллигента Васконяна, медсестры Нельки Зыковой, немцев Янгеля, Лемке, Мезингера и других. Астафьев показывает войну с позиций людей, занимающих различные места в армейской иерархии.

Трагическое и антивоенный пафос

Магистральная тема произведения — судьба русского народа, горькие раздумья о России. Астафьев одним из первых рассказал о солдатском бесправии, поставил вопрос о цене победы: «Победы мы добились страшной ценой: мы же утопили врага в своей крови». Писатель подверг глубокому сомнению триумфальный характер победы. Война под его пером стала «страшным и проклятым чудовищем, бесчеловечным и аморальным демоном». При этом Астафьев принципиально не ищет различия между воюющими сторонами: «Бог один — и для русского, и для немца».

Христианская концепция

Трагизм жизни человека Астафьев связывает с православным христианством. Революция 1917 года обрекла человека на жизнь вне Бога. Насильственное отлучение русского народа от православной традиции — источник всех глобальных катастроф XX века, по убеждению писателя. Война оскверняет мир и человека как Божье создание.

Полемика

Роман вызвал ожесточённые дискуссии. Одни называли его «каторжным подвигом», другие обвиняли автора в отступничестве. Критик И. Дедков назвал роман «самой мучительной в русской литературе книгой», а астафьевскую правду — «опережающей историческое время». Ветераны войны ополчились на писателя, когда он заговорил о цене, которую заплатил народ за Победу.

Поэтические традиции в лирике Т. Кибирова

Тимур Кибиров (род. 1955) — один из самых известных русских поэтов рубежа XX–XXI веков. Его творчество обычно относят к постмодернизму, соц-арту и концептуализму, но исследователи также определяют его эстетику как «новый сентиментализм» (М. Эпштейн), «новую искренность» (Т. Кибиров сам использовал это понятие), «постконцептуализм» и «пост-постмодернизм».

Интертекстуальность как основа поэтики

Главный принцип поэзии Кибирова — **интертекстуальность**. Его стихи изобилуют цитатами, аллюзиями, парафразами из русской и мировой классики — от Ломоносова и Державина до Пушкина, Лермонтова, Блока, Бродского. В одном тексте могут встретиться образы из разных мифологических систем, имитации различных литературных манер, скрытые и открытые цитаты. Составленные во многом по музыкальному принципу лейтмотивности, стихотворные книги Кибирова обнаруживают последовательное повторение одних и тех же скрытых цитат и вариаций на тему.

При этом цитирование носит не только текстовый, но и ритмический, интонационный характер. Кибиров блестяще стилизует ломоносовские оды, державинские строфы, пушкинские четырёхстопные ямбы — наполняя их ироническим содержанием.

«Новая искренность» и диалог с традицией

Кибиров формально осознаёт себя постмодернистом, но при этом отрицает и высмеивает философские идеи постмодернизма, убеждаясь в их надуманности и бесплодности. Его эволюция: от игровых центонов и иронических масок 1980-х — начала 1990-х годов до «метафизики искренности» 2000–2010-х.

Важнейшее качество лирики Кибирова — **открытый лиризм**, исповедальность, признание вечных ценностей. Он реанимировал жанр дружеского послания («Послание Ленке»), усилил интимность высказывания. Его «сентиментализм наполовину сводится к христианской эмоции жалости к человеку» (Е. Ермолин).

Лирический субъект

Главная особенность лирического субъекта Кибирова — его внутренняя амбивалентность и противоречивость, обусловленная кризисной исторической ситуацией. Формально двойственность проявляется в том, что поэтическая реализация осуществляется через идеологические клише эпохи, которые наполняются предельно личным смыслом. Лирический субъект существует между двумя полюсами: ролевой маской и лирическим Я.

В отличие от «классических постмодернистов», Кибиров не деперсонализирует индивидуальность. Его поэтическая личность — «маленький человек», который уходит в быт, противопоставляемый любой абстрактной власти.

Ирония — горькая, а не разрушающая

Ирония Кибирова по отношению к классическим текстам о миссии поэта — не столько деконструирующая, сколько **горькая**. Понятие «творчество» соотносится у него с понятием «товар», миссия поэта низводится до статуса обслуживающего общество потребителей. Но при этом Россию его лирический герой любит не меньше Пушкина, и именно творчеством она для него освещена. В зрелой лирике ирония становится «дозированной и уместной», уходит язвительность и грубость ранних стихов.

Обращение к вечным ценностям

В позднем творчестве Кибиров открыто возвращается к традиционным ценностям: чистота, детская простота и наивность, Родина, вера в Бога. Он отказывается от принципиального релятивизма и отрицания иерархии ценностей, свойственных постмодернистской эстетике. Лейтмотивом своей поэзии Кибиров считает искреннее служение Истине, Добру и Красоте.

Стихотворение «Историософское»

Яркий пример диалога с классической традицией — стихотворение «Историософское», где Кибиров переосмысляет знаменитые строки Тютчева «Умом Россию не понять…»:

Умом Россию не понять — равно как Францию, Испанию, Нигерию, Камбоджу, Данию, Урарту, Карфаген, Британию, Рим, Австро-Венгрию, Албанию — у всех особенная стать. В Россию можно только верить? Нет, верить можно только в Бога. Всё остальное — безнадёга.

Здесь постмодернистский приём — расширение тютчевского перечня до абсурда — сочетается с абсолютно серьёзным, неироничным утверждением веры.

Произведения Р. Гамзатова

Расул Гамзатов (1923–2003) — народный поэт Дагестана, классик аварской и русской литературы. Его творчество представляет сложный художественный феномен, в котором органическое взаимодействие национальной фольклорной традиции и индивидуально-авторского начала формирует уникальную поэтическую систему.

Связь с фольклором и национальная специфика

В ранний период стихи Гамзатова насыщены народно-поэтическими символами. В его лирике широко используются приёмы, характерные для народной поэзии: риторические обращения с ласкательными формами («свет моих глаз», «мечта моей жизни», «сокровища моей души»), образные сравнения, эпитеты — как фольклорные, так и оригинальные авторские, обусловленные ментальными особенностями аварского языка.

Гамзатов унаследовал романтические традиции лирики легендарного аварского поэта Махмуда из Кахаб-Росо и реалистические тенденции своего отца и наставника — поэта Гамзата Цадасы. Он обновил жанры поэзии: восьмистишие, четверостишие, надписи, эпиграммы, сказания, а также ввёл новые для дагестанской литературы жанры — сонет, эпиграмма.

Жанр надписей

Особое место занимает жанр **надписей** — новое явление не только в аварской, но и во всей дагестанской поэзии. Гамзатов освободил старинные надписи от религиозно-мистической оболочки и создал поэзию мудрости и человечности. Лапидарность — умение выразить в нескольких словах многогранное содержание — стала характерной чертой его творчества. Надписи на кинжалах занимают особое место: кинжал в горах выступал апофеозом мужества и родовой чести.

Образ матери

Образ матери — центральный в творчестве Гамзатова, проходящий через всё его наследие. Гамзатов одним из первых в аварской литературе создал столь масштабный и многогранный образ матери. В стихах военных лет («За слёзы матери», «Письмо матери», «Ответ сына») доминирует собирательный образ матери-горянки, олицетворяющий надёжный тыл и ассоциирующийся с образом Родины.

После смерти матери мотив утраты становится доминирующим: «Голос матери», «У кого мать жива…», «Нет у меня отца, нет матери», поэма «Берегите маму». Лирический герой постоянно слышит голос матери, зовущий домой.

«Мой Дагестан» (1968)

Лирико-философская повесть «Мой Дагестан» — самое известное прозаическое произведение Гамзатова. Исследователь Казбек Султанов назвал её «лирико-философской энциклопедией малого народа». В книге — размышления, монологи, воспоминания о Дагестане и его народе, о родном ауле, об искусстве и литературе, о природе творчества.

«Журавли» (1965)

Стихотворение «Журавли» — самое известное произведение Гамзатова, написанное на аварском языке и переведённое на русский Наумом Гребневым. Музыка Яна Френкеля превратила его в песню-реквием, ставшую гимном памяти павших воинов.

Стихотворение возникло под впечатлением от посещения Хиросимы, где Гамзатов увидел памятник девочке Садако Сасаки, пытавшейся сложить тысячу бумажных журавликов, чтобы вылечиться от лучевой болезни. В толпе, в траурных белых одеяниях (японский траур — белый, а не чёрный), поэт увидел в небе настоящих журавлей и заметил в их стае «маленький промежуток». Затем пришла телеграмма о смерти матери. Дорога домой, мысли о матери, о погибших на войне двух братьях, о миллионах не вернувшихся — всё слилось в образ белых журавлей.

Основная идея — **метафизическое бессмертие**: погибшие не исчезли бесследно, а превратились в журавлей. Журавли — центральный символ, души павших воинов, сохраняющие строй, напоминающий о военной дисциплине. Их клич сродни аварской речи, что подчёркивает национальные корни поэта и универсальность боли.

Кульминация — последняя строфа, где лирический герой предчувствует собственную судьбу: «Настанет день, и с журавлиной стаей / Я поплыву в такой же сизой мгле…». Это признание собственной смертности, но и уверенность в том, что он присоединится к вечному полёту.

При переводе Гамзатов и Гребнев по предложению Марка Бернеса заменили «джигиты» на «солдаты», что расширило адрес песни и придало ей общечеловеческое звучание. Из оригинальных 24 строк оставили 16.

Стихотворение написано пятистопным ямбом. Основные художественные средства: развёрнутая метафора (солдаты — журавли), риторические вопросы, эпитеты («печально», «усталый», «сизой мгле»), олицетворение (журавли «подают нам голоса», «выкликают чьи-то имена»), повторы («летит, летит…»).

Связь с русской литературой

Гамзатов продолжил лучшие традиции русской классической литературы. Он переводил Пушкина на аварский язык, обращался к пушкинским традициям в освоении сонета, в принципах правдивого изображения человека. Для понимания связей его поэзии с пушкинскими традициями значителен тот факт, что Гамзатов осваивал жанр сонета в русле шекспировской и пушкинской традиции, органически слив многовековые традиции восточной любовной лирики с европейскими традициями сонета.

Основные темы и произведения

Тематика Гамзатова обширна: любовь к Родине, тема войны и памяти, дружба, образ матери, женщина и её судьба в патриархальном горском обществе, сохранение национальной культуры, родной язык. Ключевые произведения: сборники «Пламенная любовь и жгучая ненависть» (1943), «Год моего рождения», «Высокие звезды» (за них — Государственная премия), поэмы «Горянка» (1958), «Берегите матерей», «Разговор с отцом», «Солдаты России», лирико-философская повесть «Мой Дагестан» (1968).

Русская литература рубежа XX–XXI веков — это пространство, где сходятся и сталкиваются разные художественные миры. Распутин сохраняет память о патриархальной деревне как нравственном идеале. Астафьев пишет предельно горькую правду о войне, разрушая триумфальный миф. Кибиров иронически переосмысляет классику — и через иронию возвращается к искренности и вечным ценностям. Гамзатов соединяет национальную горскую традицию с русской классической, утверждая общечеловеческие ценности памяти, любви и достоинства. Все эти авторы, каждый по-своему, отвечают на один и тот же вызов эпохи — вызов распада, утраты корней и поиска новых — а точнее, хорошо забытых старых — оснований для жизни.